

то. Корнеад говорил, что свойство вещей внешних не трудно было бы разыскивать разумом нашим, если бы чувства наши часто нас не обманывали и не производили часто мнения весьма противного. Такие споры между платоническими академиями по Рождестве Христове совсем утихли, но многие начали последовать во всем больше Платону, как то из Иудеев *Филон*¹³², а из христиан *Юстин* мученик, *Климент Александрийский*, *Аммоний Саксей*, *Ориген Сирианин*¹³³. Из язычников греческих многие, а именно Плотин, Амелий, Прокл, Марин и Сидор¹³⁴, хотя последние семь, которые были из греческого народа по большей части были Екклектики, как многие люди ученые думают. А из латинских *Апuleй* и *Халкидий*¹³⁵. Между тем надобно смотреть П. Балта в защищении святых отцов от платонической секты, в Париже 1711, 4 и в мнении их о философии нравоучительной языческой в Страсбурге 1719, 40, которые писатели доказывают, что учителя церковные ни в чем не последовали Платону. Лютеране, однако ж, противного ему мнения.

§ 65

Между Платоновыми учениками славен учинился через свои дела философские Аристотель¹³⁶ называемый Стагирит. Человек был великого остроумия и достойный учитель Александра Великого, которые еще при жизни Платоновой в великую славу через свою науку пришел, чего ради по смерти его тем большую приобрел. Как скоро Платон умер, то он свою школу начал, и потому, что прохаживаясь перед учениками их учили, то его школа называлась перипатетическая, в которой учинились ему наследники *Теофраст Ерезий*, *Страто* Лампакский, *Ликон Трааденский*, *Аристо Цеус*, *Критолай* и *Диодор*¹³⁷. Сего учителя кроме сих последователей столь великое сделалось и между христианами наследие, что и по сие время во многих академиях философии его обучают. О разных случаях и переменах философии Аристотелевой от времени его смотреть надобно в Иог. Главное в книге о равном счаствии Аристотелевом в Париже 1653, 8. Пространно упоминать о делах Аристотелевых и о его учении мне показалось излишнее дело. Но, однако ж, то, что в нем наибольшую особливость делает, в сем месте пристойно упомянуть. Первое его начало или основание в философии весьма противно мнению Платонову, его учителя, то есть что душа получает всех вещей познание через чувства, или помошю их, которые ей служат как посланники,

и которые ей о всем том доносят, что вне ее делается. Чрез известия те, которые ей служат как посланники, и которые ей о всем том доносят, что вне их делается. Чрез известия те, которые она от чувств получает, сама в себе или исправляется, или повреждается. Таким образом, вся наука, хотя худая, хотя добрая, чрез посредство одних только чувств в душу входит. Чрез сие она заключает, что душа от познания всех в мире вещей чувствительных и вещественных особно и единственно восходит к познанию вещей генеральных и невещественных. Сие основание он почитал за несомнительное и о том совершиенно был уверен, что ни что в душе и в разуме наш войти не может без посредства чувств. Потому что человек, говорил он, будучи таков, каков он есть, не может без помощи чувств ни о каких вещах вещественных и чувствительных рассуждать и ни малейшего об них иметь известия. Порядок, которому он последует, есть тот, что человек разумом своим всегда поступает от причины к эффекту или произведению. Августин называет сей метод, или порядок дорогого к науке. Первый сей порядок Аристотель перенял у философа *Архитаса*¹³⁸, который сам перенял у *Дексиппа*¹³⁹. Дексипп первый был основатель категориям. Но потому, что сие универсальное познание вещей, основанное на познании всякой вещи партикулярно, начало свое имеет подвержено повседневной ошибке, то есть чувству, Аристотель, желая первое сие начало исправить, думал, что сделал оное уже беспогрешным через свой *орган универсальный*. Сие мнение второй его порядок или метод. В сем органе он постановил художество к доказательству, или науку особливую, чрез которую доказывать бы все было возможно, то есть силлогизмы. В сем заключаются всей его философии первые начала. Кроме его дел философических писал он еще книги о стихотворстве, риторике, политике, юриспруденции и грамматике. Диоген Лаерций пишет, что Аристотель написал в жизнь свою около четырех сотен книг. Немалым помешательством в жизни Аристотелевой было то, что он мешался во многие интриги придворные между Филиппом отцом и сыном Александром Македонским¹⁴⁰. Пишет Диоген же, что философия его не делала диким и необходимым человеком, что напаече редко случается с учеными в великом превосходстве людьми. Он был чист, приборен, поступок честных, добрый друг. У него спросили, что значит добрый друг? Отвечал он, что *одна душа в двух телесах*. Теофраст¹⁴¹ особенно был его добрый друг, и после был в его философии первый по-

следователь, бывши сперва верным его учеником. Аристотель был родом из маленького города македонского, называемого Стагирита, родился в 99 олимпиаде, то есть около 384 года прежде рождества Христова. Некоторые еще пишут, что Никомах, Аристотелев отец, лейбмедикус Аминты, деда Александра Великого, был из фамилии Ескулапа. Лишился он своего отца и матери Фестиады еще в самом своем младенчестве и воспитан был от друга дома их Проксена, но весьма худо. Ибо он почал учиться и грамматике и стихотворству, но научившись несколько стихотворству все свои науки через своеvolentство бросил. После многих его в юношестве перемен, напоследок сама его натура привлекла к науке философской, в которой через краткое время так себя прославил, что Филипп Македонский, имея крайнее попечение о воспитании сына своего, не мог достойнейшего ему учителя выбрать, как Аристотеля. Сей трудился через восемь лет и перво научил Александра красноречия, потом физике, нравоучения, политики и некоторой еще особливой философии, которой он по известию Плутархову, никого другого не обучал. Филипп так трудом его был доволен, что в честь Аристотелеву статью ему поставил, и Отечество, город Стагирит, который через много лет был разорен, для одного только имени в наилучшее состояние привел и украсил. Но по некоторым подозрениям после смерти Филипповой, Александр был весьма недоволен Аристотелем, так что Аристотель принужден был возвратиться в Афины, где он принят был с наилучшим почтением, а особливо и для того, что при жизни своей много делал добра Афинам за то только, что Аристотель в Афинах философии был научен. Некоторые же пишут, что сие подозрение Александрово неосновательно, и что Александр к Аристотелю всегда был склонен, или, по крайней мере, Александр все доносы на него за клеветы поставил, и что напоследок он ему приказал написать историю о всех животных и прислал на сие иждивение восемьсот таланов, что учинить на наши деньги около 300 000 рублей. К тому же, дав ему великое множество охотников, егеров, рыболовов для ловления всех земных, водных и воздушных животных. Сие мне весьма имоверно кажется, потому что его история о животных по тогдашнему времени с такой исправностию написана, что такого описания партикулярному человеку своим иждивением никак, кажется, сделать не можно, хотя от него уже времени через многие лета по сие время наaturalная история далеко в лучшем совершенстве. Я уповаю, что сия

наука ни в котором государстве с таким совершенством со временем произведена еще дале быть не может, как в нашем отечестве, ибо российское государство по пространству своему наибольше к тому оказии имеет. О смерти Аристотелевой ничего подлинного сказать не можно. Некоторые думают, что он, будучи в Афинах, дал на себя великое подозрение в законе, где наипаче народ был в том деликатен, и, памятуя по той же самой причине смерть Сократову, удалится принужден был от своих неприятелей в Халк, город Евбейской. И как и там не мог с покоем оставаться от своих неприятелей, то как будто отравил сам себя. Юстин¹⁴² и Григорий Назианзин¹⁴³ пишут, что он от досады смерть сам на себя навел, когда не мог причины найти, от чего делается флюкс и рефлюкс в Европе¹⁴⁴. Нынешние писатели от того уже фабулу выдумали, будто Аристотель, трудяся долго в изыскании причины, отчего делается всякий день прибыль и убыль воды, напоследок бросил себя самовольно в Европу, так называемой пролив морской, сказав притом, *пусть я утоплюсь в Европе, коли я его не разумею*. Некоторые также пишут, что он от колики умер в 63 года лет своих, в третий год Олимпиады 114, то есть около 322 года до рождества Христова, в два года после смерти Александра Великого. Сказывают, будто стагириты тело его украли и, похороня у себя, над ним гробницу великолепную построили. Он оставил одну только дочь после себя, которая во вторые в замужество вышла за Демарата короля Лакедемонского внука. Притом он оставил натурального сына именем *Никомаха*, которого он очень любил и к которому свои нравоучительные книги писал¹⁴⁵. При смерти своей Аристотель все свои книги завещал Теофрасту с тем завещанием, что б он в народ не публиковал, но как *Страбон*¹⁴⁶, *Ликон*, *Димитрий* Фалерианский и *Гераклит*¹⁴⁷ учились в философии Теофраста наследниками один по одному, то Теофраст никому иному Аристотелевых книг не вручил как Нелею, который был его собственный ученик и которого он безмерно любил. Нелей оставил оные наследникам своим, которые их сохранили в погребах. И как сей город *Сцепы* называемый в Миссии принадлежал к королю Пергамскому, который собирал великую библиотеку, то они наипаче опасались, чтобы он дел Аристотелевых себе не отнял. Таким образом сие сокровище лет около 160 утаено было и наконец неведомо каким слепым случаем было открыто от тех же наследников и продано знатному некоторому афинскому мещанину именем *Апелликону*, однако

ж все сии письма почти совсем уже были повреждены. У сего-то уже несколько времени спустя *Силла* Римский консул постарался все Аристотелевы дела украсть и, таким образом внес оные в Рим, что незапно дошли до руки одного римского грамматика именем *Тиранниона*, от которого наследников купил *Адроник Родийский*.¹⁴⁸ Сей был первый восстановитель дел Аристотелевых, ибо не только то исправил, что было так долгим временем повреждено, но и все в них замешательство выкинул, и своею перепискою в порядок привел. Он был первый, который потерянное почти имя Аристотелево объявил в свете. Были некоторые ему в сем деле во время двенадцати Кесарей Римских последователи, а наипаче при владении *Адриана* и после *Антонина*¹⁴⁹ оные размножились. Первый был профессор философии перипатетической *Афродизей*¹⁵⁰ именем, которого к тому нарочно в Риме избрал император, *Марк Аврелий и Луциус Верус*¹⁵¹. В следующих уже веках учинилось много последователей и толкователей философии Аристотелевой. Однако ж много очень философию Аристотелеву повредило то, что арапы азиатические и схоластики в середние веки оные учились, как то *Андрей Целзатин, Пикколоминей, Бернгард, Цезарь Кремонский и Помпонат*¹⁵². И как прежние многими тонкостями оную наполнили, так последние к безбожию и многими беззаконным мнениям чрез оную дошли.

§ 66

По Аристотеле следуют *Циники*¹⁵³, которых секту уставил *Анти-сфен* Афинский¹⁵⁴. Сей, хотя и сам Сократу больше, нежели другим последовал, однако ж за его притворство часто от других философов был посмеян. Был он родом афинянин и того ж города гражданин. Человек бесстыдный и грубый, ругатель и презритель всех других ученых людей. Но как в науках сам немало обращался, то за свое грубиянство от всех других ученых людей был презрен. Сие ему дало случай из своих единомышленных учредить себе особливую секту, которая в том особливость свою имела, что жить без прихотей, спать на голой земле, ходить почти нагими и босыми, пить воду, а есть простое мясо и хлеб, говорить без учтивства, просить с гордостию и принимать без благодарения, иметь нужное, презирать честь и славу, не искать богатства, жить в конурках или шалашах и без всякого прибора, отговариваясь тем, что боги ни в чем нужды не имеют, так как и те, которые им последовать хотят ни в чем же иметь нужды